ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 17.05.2018 | Александр Греф

Сейчас не до шуток!

Европе стоит вмешаться в решение проблем стратегической стабильности между Россией и США

После ежегодной речи Владимира Путина перед Федеральным собранием России европейская общественность выразила свой протест: Россия якобы угрожает Западу новым оружием. Запущена новая спираль гонки ядерных вооружений. На самом деле российский президент с помощью эффектного видеоряда провел презентацию пяти систем вооружения, которые должны продемонстрировать боевую мощь его страны.

В то время как в Европе старались подвергнуть сомнению боеспособность показанных систем либо порицать эти разработки как синдром военного фанатизма, реакция большинства экспертов в Москве оказалась совершенно иной. Некоторые критиковали воинствующе устрашающие интонации, но по сути в значительной мере оказались единодушны: Путин сделал Западу предложение. Окрепшая Россия стремится к сбалансированности сил и дебатам по вопросам стратегической стабильности.

Любой, кто хочет понять это различие в оценках, должен серьезно отнестись к обоснованию российского президента: то, что для большинства государств НАТО представляет собой гарантию пусть даже технически далеко несовершенной безопасности, является в официальном российском восприятии системой нападения. По мнению Москвы, глобальная противоракетная оборона (ПРО) США угрожает российской стратегической способности нанесения ответного ядерного удара и, таким образом, аннулирует ядерный паритет в пользу США.

Дискуссия вокруг этой проблемы не нова. В 1972 году после многолетних переговоров Советский Союз и США заключили первый договор о контроле над стратегическими наступательными ядерными вооружениями. Одновременно с этим в Договоре о ПРО стороны согласились с американским пожеланием о внесении существенных ограничений в систему стратегической противоракетной обороны. Оба действия непосредственно

взаимосвязаны. Примерно так, как во время боя гладиаторов в римском Колизее щит уменьшает ударную силу меча. Поэтому ограничение щита должно помочь предотвратить дальнейшую гонку вооружений.

Однако после окончания Холодной войны стратегия США меняется. Опираясь на «однополярный момент», они принялись за разработку национальной системы противоракетной обороны, которая изначально была ограничена территорией США. В конце 2001 года Вашингтон вышел из Договора по ПРО. Хотя Россия вышла из Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2, START II, Strategic Arms Reduction Treaty), в остальном реакция руководства страны оставалась относительно спокойной. Путин только лишь вступил в должность, еще летом он выступал с проевропейской речью в Бундестаге, а после террористических актов 11 сентября заверил США о безусловной поддержке американцев со стороны России.

В связи с войной в Ираке, волной цветных революций на постсоветском пространстве и усилением авторитарных тенденций в политическом развитии России напряженность между обоими государствами возросла. Апогей был достигнут в 2007 году. На Мюнхенской конференции по безопасности Владимир Путин выступил с речью, осуждающий однополярный миропорядок. В то же время США начали переговоры о размещении 10 ракет-перехватчиков в Польше и установке радарной системы в Чехии. В сентябре 2009 года эти планы были перечеркнуты президентом Обамой и заменены так называемым Европейским поэтапным адаптивным подходом к ПРО (European Phased Adapted Approach, EPAA, ЕПАП). Этот подход предусматривает постепенное построение европейской противоракетной обороны, зависимое от международной обстановки и угроз безопасности США и их союзников. К программе, прежде всего, относится размещение боевых информационно-управляющих зенитно-ракетных систем «Иджис» (Aegis combat system) на кораблях в Средиземном море и радарной системы в Турции. В конце 2015 года дополнительно были развернуты наземные системы противоракетной обороны в Румынии. В 2018 году с размещением системы противоракетной обороны в Польше завершилась последняя стадия из трех запланированных правительством США.

В течение всего процесса развертывания ЕвроПРО с Россией велись интенсивные переговоры о возможном сотрудничестве. В 2007 году Москва предложила для совместного использования арендуемые радарные системы в Азербайджане и в российском Краснодаре. В

2009 году была создана рабочая группа в Совете Россия – НАТО для обсуждения систем противоракетной обороны. Кроме того, в 2010 году президент Медведев предложил разделение ответственности обороны по географическим секторам.

Однако все старания по сотрудничеству не нашли развития в том числе в связи с развязыванием военных конфликтов в Грузии 2008 году и в Ливии в 2011 году. Помимо существенных технических трудностей, было недостаточно доверия между участвующими сторонами. В то же время, делегирование решения задач по безопасности третьему государству и передача контроля над собственной системой противоракетной обороны оказались неприемлемыми предложениями для участвующих сторон. В октябре 2013 года переговоры о противоракетной обороне в рамках Совета Россия – НАТО были прекращены.

То, что в этом вопросе не удалось достичь единого подхода, трагично. Совместная или, по меньшей мере, согласованная между сторонами система противоракетной обороны подняла бы отношения между Россией и Западом на новый уровень. Когда в Москве говорится о Западе как о противнике, речь идет прежде всего о глобальном доминировании США, которое остается обоснованным как раз с военной точки зрения. При этом российско-американские отношения в целом – об этом в Европе часто забывают – по-прежнему существуют на фоне потенциальной возможности взаимного гарантированного уничтожения. Почти за тридцать лет после окончания Холодной войны, несмотря на все усилия, не удалось найти modus operandi, отличный от взаимного сдерживания.

С одной стороны, это обусловлено той высокой значимостью, которую Россия придает своим собственным ядерным вооружениям как символу мировой державы. С другой стороны, американское стремление к абсолютной защите от внешних угроз наносит ущерб стратегической стабильности. Проблема состоит при этом не в возможном аннулировании потенциала ответного удара России имеющимися системами, как безрассудно твердят в Москве. Дело, скорее, в том, что отсутствие договорных соглашений с 2002 года породило всеобщую неуверенность в будущих планах и технических ограничениях. Чтобы компенсировать эту неуверенность, Россия считает себя вынужденной принимать долгосрочные военные контрмеры. Более того, многолетнее утверждение о том, что европейская часть противоракетной обороны направлена исключительно против Северной Кореи и Ирана, технически никогда не было полностью убедительным из-за выбора места расположения в Польше и скорости ракет-перехватчиков. Оба

фактора подтверждают позицию консервативно настроенных российских военных кругов.

Конфликт по вопросу о противоракетной обороне имеет тяжелые последствия как для Европы, так и для политики разоружения в целом. С одной стороны, Москва в ответ на развитие ПРО передислоцировала в Калининградскую область ракетные комплексы «Искандер», способные нести ядерный боезаряд. С февраля 2018 года они находятся там на постоянной основе. Одновременно Россия утверждает, что применяемые в противоракетной обороне пусковые установки и ракеты нарушают Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (ДРСМД). Однако с 2014 года именно Россия находится под подозрением в нарушении ДРСМД в связи с разработкой крылатых ракет средней дальности сухопутного базирования.

Если выяснится, что это соответствует действительности, Европа столкнется с новой ракетной угрозой. Однако при вероятном прекращении действия ДРСМД оказалось бы под чрезвычайно большим вопросом и продление вступившего в силу в 2011 году нового Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных ядерных вооружений (СНВ-III). В этом случае режим контроля стратегических вооружений между Россией и США был бы в целом парализован. Политически мы оказались бы снова отброшенными во времена до 1972 года.

Воспрепятствовать этому любыми средствами – в интересах Европы. Именно Германия может при этом взять на себя центральную функцию: занимая прочное положение на Западе и в НАТО, она может в качестве посредника подготовить платформу для диалога, чтобы сблизить обе стороны конфликта. С учетом полностью дезорганизованных в настоящее время связей между США и Россией это крайне необходимо.

Александр Греф
Москва

Александр Греф (Alexander Graef) является аспирантом Университета Санкт-Галлена и в настоящее время занимается исследовательской работой при НИУ «Высшая школа экономики» в Москве.